

Резня в деревне действительно произошла, и произошла она ужасно, в то время, когда А-Да ничего не знал. Его грудь тяжело вздымалась, пока он слушал, как молодой парень и Ворон разговаривали, повторяя одно и то же несколько раз, прежде чем он понял, о чём идёт речь.

Он кивнул и сказал:

— Хорошо.

Затем оставил несколько человек, а остальные пошли с ним вслед за молодым парнем к другой вершине.

На вершине были выжившие, успевшие уйти из Бэйпо. Это была та небольшая часть людей, которые успели среагировать и быстро бежали.

А-Да спросил:

— Как моя сестра, она здесь или там?

Молодой парень ответил:

— Наш А-Да не выдержал, тётушка Утка вывела нас. Она ждёт тебя, А-Да должен идти, иначе тётушка Утка вернётся и убьёт.

Бэйпо не мог вернуться, вернуться значило пойти на верную смерть, это понимал даже этот молодой парень. Сейчас в их домах сидели солдаты, и если бы они вернулись, это был бы обмен жизнями — один за одного.

А-Да изначально думал, что если у них ещё есть силы отступить, значит, по крайней мере, треть мирных жителей Бэйпо осталась в живых. Но когда он пришёл на этот складской склон, насчитал всего несколько десятков человек.

Там были мужчины, женщины, дети, но не было стариков.

Старики не могли бежать, поэтому не бежали. Это было правило Кушань, и старики это понимали.

В отличие от того, что думал брат Цун, здесь старики, женщины и дети тоже брали в руки оружие, они тоже были боевой силой, поэтому их выбором стало сражаться до конца.

А-Да увидел тётушку Утку. Он сделал несколько шагов и крикнул:

— Сестра.

Но сестра не подняла голову, она перевязывала рану своему мужу.

А-Да бросился вперёд и увидел, что вождь Бэйпо получил несколько пулевых ранений. Одна пуля попала в руку, другая — в плечо, но ещё одна застряла в бедре, и кровь, как из родника, сочилась наружу, унося жизнь.

Он был обречён. А-Да видел это, вождь уже не мог открыть глаза. Похоже, тётушка Утка несла его на себе, и теперь её халат был почти полностью красным.

— Нельзя, — сказал А-Да, пытаясь схватить руку тётушки Утки.

Тётушка Утка оттолкнула его и упрямо продолжала рвать одежду, чтобы перевязать бедро. Она всё ещё не поднимала голову, словно сосредоточенно затачивала свой меч.

Но её меч лежал у ног, и на лезвии даже была выбоина.

— Сестра... он не выживет, — снова попытался схватить тётушку Утку А-Да.

Тётушка Утка, как в детстве, когда злилась, толкнула А-Да, затем сильно пнула его и злобно выругалась:

— Отойди!

И продолжила перевязывать.

А-Да понял, что ничего не поделаешь, и просто стоял рядом. Он оглядел выживших, почти всех раненых, собрался с мыслями и приказал своим людям помочь, кого можно — поддерживать, кого можно — нести, и всех отправить в свою деревню Ситоу.

— А-Да, нужно сообщить в Дунлин и Наньгоу, — подошёл Фазан, который всю дорогу молчал. Он снова носил свою соломенную шляпу, почти закрывающую лицо, и напомнил А-Да.

— Разве не нужно сначала сообщить в Чжунтугао? — спросил Ворон.

— Сейчас атакуют только Бэйпо, войска не пойдут на Чжунтугао, иначе, если окружить с трёх сторон, они окажутся в ловушке, — объяснил Фазан. — Поэтому Ситоу и Дунлин — наиболее вероятные следующие цели, и нужно сначала предупредить людей в Дунлине.

А-Да кивнул и приказал Фазану и Ворону передать приказ.

Когда раненых постепенно увезли, А-Да снова посмотрел на тётушку Утку.

Тётушка Утка уже успокоилась, ведь её перевязка закончилась. Её рука лежала на мокрой ране, она тяжело дышала.

А-Да хотел что-то сказать, но тётушка Утка махнула рукой, чтобы он замолчал. Она молча смотрела на своего умершего мужа, и вдруг встала.

Наконец, она подняла глаза на А-Да. Её глаза были полны крови. Она не плакала, в её взгляде была невысказанная ярость.

Она ненавидела, и эта ненависть была сильнее боли. Поэтому она не могла плакать, слёзы горя не могли дать ей облегчения.

Она подняла лежащий рядом меч, сделала несколько шагов, и А-Да последовал за ней.

Она подошла к краю обрыва и снова тяжело дышала. Она хотела что-то сказать, но вдруг закашлялась, и попросила А-Да дать ей сигарету.

А-Да обыскал себя, затем тело своего зятя и, наконец, нашёл окровавленную пачку сигарет, зажёл спичку и подал тётушке Утке.

Тётушка Утка затянулась с яростью, сжигая почти половину сигареты за раз.

Затем она долго выдохнула и быстро провела грязной ладонью по лицу.

В ту ночь А-Да не вернулся, и Ворон тоже не вернулся. А-Янь и брат Цун слышали приближающиеся звуки, но они ненадолго приблизились, а затем снова удалились.

Они ждали в доме, но к утру никто не появился. Естественно, никто не пришёл, чтобы освободить брата Цуна, и никто не принёс ему сегодняшнюю кашу и лепёшки.

Брат Цун сказал:

— Иди, выйди и посмотри, что случилось.

А-Янь немного вздремнул за столом, потер глаза и кивнул.

Брат Цун передал ему свой халат и велел А-Яню побыстрее вернуться.

— Закрой лицо, если есть раненые из Бэйпо, их могут перевезти сюда, и им не нужно это видеть.

А-Янь затянул одежду и вышел из дома. В душе он тоже боялся, как и предполагал, что если произошла резня, то гнев жителей деревни обрушится на них, чужаков.

С Фазаном, возможно, всё будет проще, ведь его здесь уже приняли, он женился на местной девушке и стал почти что человеком Кушань.

Но А-Янь и брат Цун были другими. Их схватили в военной форме, они мало общались с жителями, и их разговорный язык был корявым. Даже несмотря на отношения названных братьев, он считал, что А-Да и Ворон не смогут противостоять гневу деревни.

Утро было особенно тихим, обычно выходили за водой, на охоту, за рыбой, даже кормить скот или сушить одежду, но сегодня никого не было. Дети тоже оставались дома, никто не выбежал поиграть у дверей.

А-Янь завернулся, как шар, но пустые улицы деревни делали холод ещё более ощутимым.

Он дрожал, идя вперёд, и увидел, как несколько мужчин вышли из домов с серпами или топорами, пристально глядя на него.

А-Янь почувствовал себя неуютно под их взглядами и ускорил шаг. Он хотел спросить кого-нибудь, но, видя усиливающееся отвращение и ненависть в глазах тех, с кем он сталкивался, сдержался.

Большинство людей он увидел в зале собраний.

Этот зал он проходил несколько раз раньше, это было место, где в Ситоу проводились собрания или мероприятия, а в дни Праздника Саламандры здесь хранили еду и вино, раздавали рыбу и мясо.

Сейчас зал был полон людей, и ещё не подойдя близко, можно было слышать волны шума.

А-Янь поднял воротник и опустил шляпу, как советовал брат Цун, оставив видимыми только глаза, и осторожно приблизился.

Он увидел, что люди держали в руках миски с кашей и приправами. Большинство жителей были грязными, настолько, что невозможно было понять, была ли это кровь или грязь. Они стояли, сидели, лежали или приседали на корточки, ели кашу и время от времени откусывали

лепёшку.

Среди них ходили Фазан, А-Да и незнакомая женщина. Они раздавали еду и одеяла, иногда присаживались, чтобы что-то спросить.

А-Янь заметил, что у всех было оружие, будь то пятидесятилетние мужчины или семилетние дети. У кого-то были изогнутые мечи, у кого-то — кухонные ножи, у кого-то — луки, а у одного или двух висели пистолеты, модель которых была так знакома, ведь у А-Яня тоже был такой.

Даже те, у кого не было ничего, держали заострённые бамбуковые палки или деревянные колья. Некоторые жители были настолько измучены усталостью, что, чтобы вздремнуть, всё равно сжимали оружие, словно готовые в любой момент вскочить и убить.

Женщина заметила А-Яня. Она подняла голову и слегка прищурилась. Её взгляд был настолько острым, что, казалось, мог пронзить А-Яня насквозь, и он сжал пальцы в кармане, желая тут же развернуться и бежать.

Но его ноги двигались с трудом, ведь, помимо халата, на нём были три пары брюк, которые дал ему Ворон. Он был завёрнут, как мумия, и каждый шаг давался с трудом.

Женщина встала из толпы и, говоря на местном диалекте, позвала А-Да, тихо задавая вопрос.

<http://bllate.org/book/16300/1470184>